

-Меня? Николас меня зовут, можно Ник, для краткости. Дома зовут Коля, тоже для краткости, а так полное имя Николай. Это то же самое, что Николас, только по-русски. Знаете выражение: американец в первом поколении. Это я. Родители из России приехали, я уже тут родился.

Учусь. Здесь, в колледже, вон через улицу. И подрабатываю, конечно: развожу пиццу и пироги. Нет, не по всему Нью-Йорку, в основном тут, рядом, но иногда и далеко бывает.

По-разному, когда как. Заказчики всякие бывают. Лучше всего, когда компания толстяков заказывает каждому по пирогу, плюс огромную пиццу, а то и две-три, на всех. Как «почему толстяков»? Они добрее и на чай щедрее дают. А тощий да жадный, глядишь, закажет себе и барышне самую маленькую пиццу, да еще делает вид, будто нет мелких денег на чай. Ну, понятно, в ответ существуют кое-какие уловки, типа «если нет мел-

ких, я дам сдачу», «не откажусь от крупной», «не жалейте, и вас пожалеют» и т. п.

Один латиноамериканец, с нами работает, так у него такая заготовка:

— Ой, не шутите, у меня папа сумасшедший, ждет в машине. Он когда голодный, на людей бросается. Можете проводить меня до машины? Я его боюсь. Как я ему скажу, что чаевых не дали? Он непредсказуем...

Самое смешное, что это почти правда. У него действительно в машине отец, и реально голодный и сумасшедший. Но не буйный, конечно, тихий. Он боится один дома оставаться; мания преследования, знаете?

А бывало пару раз, привожу заказ, а у них денег нет. А чего ж заказывали?

Человек тихо говорит:

— Так получилось. Простите...

Знаете, что я делаю? Я отдаю ему пиццу даром, но под честное слово, что закажет у нас еще не

меньше двух раз, с оплатой... Он у меня спрашивает имя и когда я работаю. А я говорю, что звать меня Ник (вот бирочка на груди), что график у меня нерегулярный, но неважно, кто доставит, пусть даже не я, уж чаевых не пожалейте. Проверять я, понятное дело, не собираюсь; знаю, что в Америке доверие и честное слово значат больше, чем в России.

И между прочим, я оказался прав. Правее, чем я думал. Мне теперь наш менеджер со смехом докладывает, что, мол, «твой» звонил, заказал большую и среднюю, и, как всегда, просил передать начальству, что постоянным клиентом его сделал Ник.

Ну вот как-то так и живем.

Нет, больше его не видел. Честно сказать, один раз дали мне его заказ, но я сам не поехал, обменялся с другим парнем. Не знаю, неловко как-то.

Вы тоже кого-то ждете? Тоже опаздывают?

Я-то? Ну, это долго рассказывать. А впрочем, все равно сидим, могу и рассказать. Это как раз сходный случай.

Правильно в Израиле говорят: хочешь рассмешить Бога — расскажи Ему о своих планах.

День был, помню, довольно противный, пасмурный, я не выспался, машина дряхлая капризничает, настроение паршивое. Говорю менедже-

ру, мол, беру последний заказ, уроков куча, две курсовые сдавать пора, а я даже не начал. Уж не говорю, что с вечера не жрал ничего, только нюхаю вашу гребаную пиццу.

Приезжаю, звоню в дверь. Отрывает девчужка с глазами — таких не бывает. Огромные. Светло-карие. Родители такие глаза называют каштановыми. Смотрит, как в душу заглядывает:

— Ой, как вы быстро. Бабуля, пицца прибыла!

И мне поясняет, хотя я и не спрашиваю ни о чем, стою как дурак, глазею (может даже, и рот разинул, не знаю):

— Едем с прабабушкой к подружке, которой сегодня девяносто лет исполняется. Сколько мы вам должны?

Подходит бабуля, личико как печеное яблочко:

— Ты расплатишься? Я дома денег не держу, боюсь жуликов. По телевизору предупреждали, мол, ходят по квартирам, пожилых обманывают.

Каштановые глаза вот-вот заплачут от испуга:

— Ой, а у меня нету, вот только на метро... Ой, что ж теперь делать...

Я все гляжу на нее и вдруг говорю уверенно:

— Ничего, царь Соломон писал: «Все пройдет. И это пройдет». Берите так. Подарок от нашей фирмы вашей подружке к юбилею.

А она:

— Ой, спасибо вам огромное, вы нас спасли, а деньги за пиццу я вам верну, мне скоро родители пришлют... Запишите мне ваш телефон, а нам с бабулей пора ехать.

Короче, едем мы на моем пицце-катафалке к прабабушкиной подружке, имениннице, оказалось, Розы ее зовут. А кроме пиццы, наша бабуля везет в соломенной корзиночке два яблока и кусок пирога.

Приезжаем. А подружка Розы вся светится уже каким-то неземным светом и спрашивает у бабули:

— Понимаешь, из-за хлопот забыла, сколько мне сегодня исполняется — не то девяносто, не то девяносто три.

А лицо у нее напояженное, такое же, как у бабули, как яблочко печеное, только подрумянено какой-то помадой. Волосы накручены ну очень смешно. Косится на меня и спрашивает, будто я не слышу:

— А этот в дверях — не бандит? Не его я видела в кино, из двух пистолетов стреляя?

Бабуля за меня мужественно вступается:

— Нет, он не бандит. Он, как сказать, ну, пиццермен. Любезно довез нас.

Ну, протянул я имениннице коробку с пиццей, мол, подарок от фирмы, Розы в диком восторге.

Сейчас думаю, будут кушать с тихим чавканьем, насколько зубов хватит, и вспоминать былые годы и женихов, которые уже все перемерли. А сам на девочку смотрю-смотрю, и нравится она мне все больше.

Пора мне и уходить, спрашиваю у нее:

— А звать-то тебя как?

Она тоненько отвечает:

— Джулия...

Записал ей свой телефон, я ж не навязываюсь, сама просила. Хотелось бы и ее телефончик записать, на всякий случай, но она не предлагает, а попросить стесняюсь. Спрашиваю на прощание:

— Ты на кого учишься?

— На учительницу.

— Учить умных детей, которые с малолетства все гадости знают? Не скучно?

— А я хочу, чтобы они про гадости забывали и чтоб как тот мальчик в книге Сэлинджера, спасали малышей, которые бегут к обрыву...

Я понимающе киваю, будто прекрасно знаю, о чем речь.

Простились, я напрямиком в библиотеку, взять книгу Сэлинджера, про которую она сказала. А названия-то не знаю! К счастью, библиотекарьша мгновенно поняла и принесла, долго объяснять не пришлось.

Мне две курсовых писать, а я читаю «ее» книгу, над ней и заснул. Назавтра снова за чтение. И почему-то для меня это чтение важнее, чем все наши учебники. К середине книги вспоминаю, что ее, кажется, в школе проходили, но я почему-то не читал. Потом стал подозревать, что книга не та: никаких там детей, никакого обрыва. Чуть не бросил. Оказалось, что есть обрыв, и дети есть, в самом-самом конце.

Короче говоря, стали мы с Джулией встречаться.

Первый раз, никогда не забуду, жду ее у метро. Долго жду. То ли опаздывает, то ли вообще забыла, не придет, не знаю. Гляжу, бежит, торопится, юбочка развеивается, тихонько поцеловала в щеку (сама, честное слово, не вру):

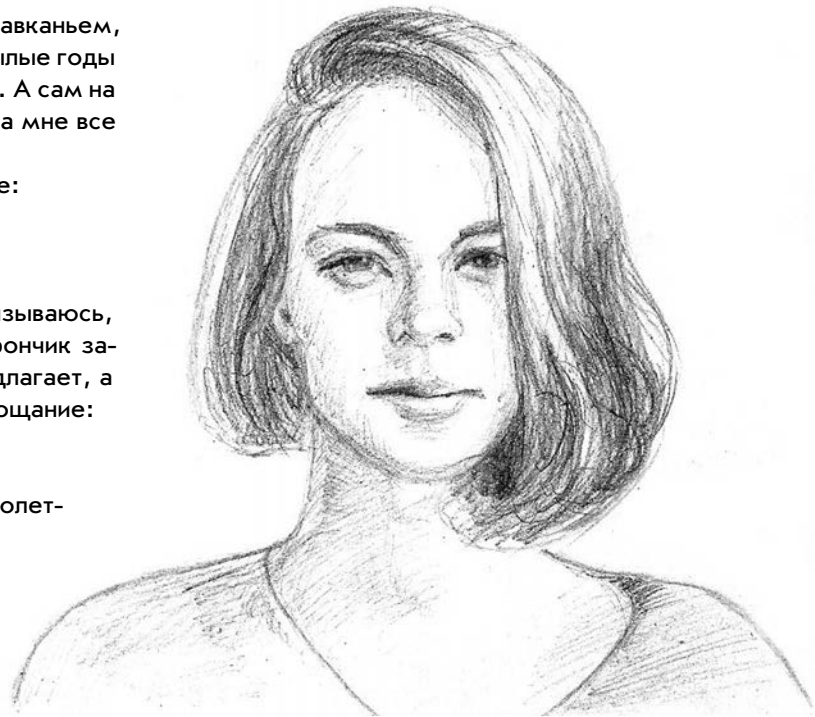
— Ник, себе не верю, скучала по тебе. А ты кем хочешь стать?

(Это мы уже в кафе сидим.)

— Хотел бы стать умным политиком. Взятки не брать и защищать детей и просто людей от разных уродов.

— А откуда ты такой?

— Предки мои из России и Украины, ну а я — уже сам не пойму. Вроде вырос американцем, а душа болит, как у русских. Вот тебя и бабулю твою увидел, и душа заболела...

— Так сейчас Америка с Россией ссорятся... Там коммунистов уже мало, но все равно все ведут себя как коммунисты.

— Все ты знаешь... Не все... Да, большинство там бедные, да, и водку пьют, но Россию свою любят, любят. А обманщики и подлецы есть в каждой стране.

И хочется мне показать ей наколку мою, но она на плече, футболку снимать как-то неудобно при первой встрече. Еще подумает что-нибудь не то... Но тут мимо нас, очень кстати, проходит мужик весь татуированный, до бровей. Она и говорит:

— Ужас какой. Это ж надо так хотеть, чтоб на тебя на улице оглядывались.

Тут я и говорю:

— А у меня тоже есть, только не напоказ, конечно.

Она:

— Можешь показать?

Ну, раз сама просит, я поворачиваюсь к ней спиной и сдергиваю футболку.

— Ой, вижу. А что это за знак?

И пальчиком дотрагивается. И от прикосновения этого у меня аж гусиная кожа пошла.

— Это герб России, — говорю. — Всегда со мной. Чтоб Россию не забывал.

— Так тебя могут побить, где-нибудь на пляже, те, кто не любит Россию, и даже покалечить!

— Знаешь, мой отец говорит: «За все приходится платить. Не только деньгами, но иногда и любо-

вью и жизнью». Вот и я готов заплатить... И если стану политиком, то буду стараться помирить людей России и Штатов. Чего им делить... Народы хорошие и патриоты хорошие. Вместе в войне победили. Только в России об этом патриотизме на каждом углу кричат, а тут патриоты скрытные... Но если надо, встанут стеной за Америку. Трамп, ты думаешь, кто выбрал? В основном бедные люди, несмотря что бедные... А знаешь почему? Потому что он, хоть и миллиардер, о людях думает и Америке помогает.

Тут она не соглашается, насчет Трампа. Ну понятно, в колледже учится, наслушалась. Кто там преподает — не лучше, чем в нашем.

— Ладно, — говорю, — останемся каждый при своем мнении. Бог благословляет людей через других людей. Знаешь ведь эту поговорку: «God bless America». Это значит не только «Благослови, Боже, Америку», а еще и «Бог уже Америку благословил», через таких, как мы с тобой. А твои корни откуда?

— И папа, и мама из Италии, но мамина семья давно, а папина недавно. И когда слушаю, как поет Карузо, или Андреа Бочелли, или Паваротти, у меня слезы. Сама не знаю почему.

И тогда я говорю, не зная, сбудется это или нет, но говорю:

— Когда-нибудь мы с тобой поедem в Италию. Обязательно.

— В Неаполь?

— Почему в Неаполь?

— Там пицца лучшая в мире. И неаполитанские песни. И там познакомились мои родители, на конференции.

— В Неаполь. Сядем на открытой площадке. И будем пить молодое вино фраскати...

— Почему фраскати?

— А какое?

— Фраскати мы будем пить, когда поедem в Рим или в Лацио, там рядом. А в Неаполе мы будем пить вино из винограда, растущего на склонах Везувия и других вулканов. Представляешь, растет на пепле от древней лавы!

И ба-бах, выдает мне целую лекцию об итальянском винограде и винах. Кого я думал впечатлить знанием фраскати! У нее, оказывается, и папа, и мама — эксперты по итальянским винам, дома только и разговоры, что об этом. Сижу, молчу, слушаю, млею от восторга. А потом говорю:

— Значит, будем пить вино со склонов вулкана. И будем думать: вдруг это самый последний урожай, потому что вулкан проснулся и выплеснул огонь, и все виноградники погибли, а мы живы и пьем это последнее вино! А потом нам принесут тонкую, как манекенщица, пиццу, лучшую в мире, и горячий капучино с густой пенкой, и мы будем держаться за руки и будем такими счастливыми, каких нет среди людей.

И эта девочка в юбочке сжимает мою руку, смотрит своими каштанами; слезинка, тонюсенькая, ну вот как она сама, скатывается из этих глаз, и она тоненько говорит:

— Давай... Давай будем счастливыми, назло всему миру.

Ну все, конец моим рассказам, вон она бежит, на час опоздала, юбочка развивается. Всего вам доброго, я побежал.